

Вопросы религии и церкви
в российском законодательстве
второй половины 20 – начале 40-х гг. XVIII в.

Ирина М. Чирскова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; im-chir@yandex.ru*

Аннотация. Культурная политика второй четверти XVIII в. во многом была продолжением культурной политики Петра I. Петровская секуляризация культуры, ликвидация автономии церкви тем не менее не означали отказа от института церкви и от религии как идеологии. Православие занимало значительное место в духовной и культурной жизни российского общества, что нашло отражение в законодательстве второй половины 1720 – начала 1740-х гг.

Ключевые слова: культурная политика, законодательство Российской империи, религия, церковь, православие

Для цитирования: Чирскова И.М. Вопросы религии и церкви в российском законодательстве второй половины 20 – начале 40-х гг. XVIII в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 7 (40). С. 141–155. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-7-141-155

Questions of the Religion and Church
in the Russian legislation
of the second half of 1720's till early 1740's

Irina M. Chirskova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; im-chir@yandex.ru*

Abstract. Cultural policy of the second quarter of the 18th century was a continuation of the cultural policy of Peter the Great in many respects. Nevertheless, the secularization of culture made by Peter and the liquidation of the church's autonomy didn't mean abandoning the church's institution and the religion as an ideology. Russian Orthodoxy occupied a significant place in the spiritual and cultural life of Russian society, what was reflected in the legislation of the second half of 1720's till early 1740's.

It can be said that traditionally the issues of the religion and the church occupied one of the leading places in the cultural policy. They were the subject of close attention of legislators in the second quarter of the 18th century. Throughout the period under investigation, the program aimed at protecting the Orthodox faith was implemented quite consistently, regardless of the personality of the ruler, the external and internal political conjuncture.

Despite the removal of the church from the culture leadership, it remained the most important state institution, and religion – the spiritual and ideological basis of government policy. The government encouraged the adoption of Orthodoxy, granted benefits to the new-christened people, followed the observance of religious traditions, built churches, supported, including financially, the relationship with the Greek Orthodox Church of Constantinople, the most authoritative church in the Orthodox world. The violation of the canons was punishable morally, physically and financially.

The legislation of the second quarter of the 18th century gives eloquent evidence of the special spiritual and cultural significance of religion in the life of Russian society

Keywords: cultural policy, legislation of the Russian Empire, religion, church, Orthodox Church

For citation: Chirskova IM. Questions of the Religion and Church in the Russian legislation of the second half of 1720's till early 1740's. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies"* Series, 2018;7(40):143-59. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-7-143-159

Круг вопросов культуры, включенных в законодательство, проблемы и противоречия культурной политики были определены и завещаны наследникам Петром Великим. Масштаб реформ, заданный преобразователем, определил специфику и место культуры в правительственной политике и законодательстве Российской империи и после его смерти.

Стереотипное представление о послепетровском времени, сложившееся в общественном сознании и перекочевавшее в отечественную историографию, во многом было плодом официальной пропаганды царствования дочери Петра. А время с 1725 по 1741 гг. традиционно именовалось «темным периодом нашей истории XVIII в.» [1 с. 561]. Современные же исследования дворцовых переворотов показывают, что они были сложным социально-политическим и культурным явлением России XVIII в., связанным с развитием и проявлением общественного сознания [2 с. 83–88,3,4,5,6].

В условиях послевоенных трудностей, финансовой нестабильности, начатых, но незавершенных реформ, громоздкости созданного Петром I государственного аппарата его последователи оказались в сложной ситуации. Они продолжали намеченную им культурную политику, подчеркивая это обращением к законодательству и практике его времени, ссылками на авторитет великого преобразователя. Ликвидировав автономию церкви, сделав Синод своеобразной тринадцатой коллегией, тем не менее и Петр I, и его наследники не без основания видели в ее институте прочную опору правительства. Православие же, как государственная религия, оставалось основой официальной идеологии и служило своеобразным связующим звеном власти и подданных. Вопросы религии и церкви занимали значительное место в культурной политике и законодательстве Российской империи и во второй половине 1720 – начале 1740-х гг.

Взойдя на престол, Екатерина I провозгласила продолжение политики своего супруга, в том числе и в вопросах, касавшихся религии и церкви. «В церквях всех христианских вероисповеданий» предписывалось поминовение императора Петра I [7, Т. VII; 4705].

При Екатерине I государственная машина, потерявшая сильную и жесткую руку преобразователя, начала буксовать. Было очевидно, что императрица остановить этот процесс не в состоянии. Тогда и появился Верховный тайный совет как орган исполнительной власти [7, Т. VII; 4830] для оперативного решения насущных проблем, стоявших перед страной. Он подчинялся непосредственно императрице. Другие же учреждения не должны были носить официального титула «правительствующих». В этом ряду оказался и Синод, который стал именоваться не «Правительствующим», а «Святейшим». Под его ведением произошло объединение «духовных и гражданских школ», а сам он был разделен на два департамента [7, Т. VII; 4925, 4975, 4919].

«В публичных процессиях и церемониях» провозглашалось первенство членов Синода «перед епархиальными архиереями и архимандритами» [7, Т. VII; 4675].

Несмотря на финансовые трудности «для поминовения, блаженная и вечно достойная памяти, Его Императорского Величества и для Своего многолетнего здоровья, милосердую о Своих подданных», императрица приостановила «впредь до указа» взимание «штрафных денег за нехождение на исповедь». При этом документ не предусматривал полную отмену указа Петра I от 17 февраля 1718 г. и требовал от подданных «только исповедь им повсягоднюю исполнять неотменно» [7, Т. VII; 4648]. Уже в апреле с отсылкой к указу Петра I от 30 сентября 1724 г. было предписано «со всех раскольников двойного оклада за раскол деньги за 724 год взять без упущения». С «неисповедовавшихся», согласно петровскому указу от 17 февраля 1718 г., деньги «везде собирать без всякого упущения» и «со обстоятельными ведомостями и с перечневыми табелями» отсылать «прямо в Синод неотложно» [7, Т. VII; 4688]. В декабре 1726 г. появился новый указ, касавшийся штрафных денег «за небытие у исповеди и за распространение раскола». Законодатели вновь ссылались на петровские законы, а также на указ Екатерины от 12 июля 1726 г., по которому «велено в Синоде ведать одни духовные дела». Сам же документ определял, в какие структуры отправлять ведомости о неисповедовавшихся, требовал «штрафы править без всякого замедления», определял на это не более месяца, и предписывал рапортовать в Сенат по «третям года», а собранных «тех денег ни на какие расходы, без указа из Сената не держать» [7, Т. VII; 4984].

К присяге новой императрице раскольников в Москве было приказано приводить «в тех же церквях, где прочие присягают». Екатерине I стало известно, что «раскольщики определяются, не только в целовальники, но и в главные, також и в купчины». Указ постановил не определять их к каким-либо «делам», а направлять «только в счетчики». А также «посылать» раскольников «всякого со своим счетом», т. е. использовать при пересылке денег, а возможные «недочеты» «править на них же» (т. е. спрашивать с них), «дабы в отдаче остановки и от недочетов казне убытку не было» [7, Т. VII; 4676, 4750].

В марте 1725 г. было подтверждено петровское ограничение пострига в монашество. Синод сообщал, что ему «не весьма известно» о монахах, «являющихся в недавнем пострижении». Указ постановил, чтобы в монахи «никого без указа из Синода не постригали», «кроме вдовых священников и дьяконов». Если же «нужда будет в монастырях для исправления Божественного священнослужения», делать это по трехлетнем «искушении», т. е. осознанно. А ведомости, «кто когда таких священного чина людей в монашество принят будет», представлять в Синод [7, Т. VII; 4672].

Принятие православной веры всегда поощрялось правительством. Особенно остро вопрос о новокрещенцах встал в 1725 г., и касался он калмыков. В марте была дана инструкция иеромонаху Никодиму, ко-

торая подробно оговаривала «просвещение новокрещенных». Предписывалось держать себя с ними «чинно и честно», чтоб новокрещенным «никакого соблазна не было», учить «в кротости», «увещевать прилежно», молитвы «перевести на калмыцкий язык». Инструкция наставляла «о делах милосердных учить», «смотреть недреманным оком, чтоб не подошли своими прелестными сетями раскольники», «изменники», «толмачи» и пр. Обо всех действиях необходимо было «рапортовать в Синод» [7, Т. VII; 4683]. Через месяц рассматривалось жалование чугуевским новокрещенным калмыкам. Воевода сообщал, что «ныне де кроме подушных денег, никаких сборов собирать не велено». А калмыки просили, «дабы им и вдовам и детям их хлебное жалование» с 1723 по 1725 г. было выдано. Он сетовал на отсутствие указа, «из каких доходов тое дачу производить». Сенат постановил, что за 1723–1724 г. выдать деньги «из Изюмского и прочих тамошних магазинов», а с 1725 г. – из Малороссийских доходов [7, Т. VII; 4689]. Сентябрьский указ сообщал, что прибывшие на Яик калмыки обещали, а «креститься не хотят». Около 60 семей были приведены «к присяге по их закону», «и в перепись написаны» и служат «равную службу с казаками», «степи и дороги все знают». Сенат постановил калмыкам, которые уже прибыли, «на Яике быть», «а впредь таких отнюдь не принимать, разве которые пожелают креститься» «и по крещении быть им в службе обще с казаками» [7, Т. VII; 4784]. В следующем месяце появился указ о калмыках, которые «волею своею приезжать и о крещении» просить будут, в службу в Чугуеве определять и жалование выдавать, а «сколько когда крещено будет, о том присылать ведомость в Сенат» [7, Т. VII; 4795]. Новокрещенным татарам возвращались «отписанные» на основании указа 1713 г. «отцов и дедов их деревни», что, по мнению законодателей, должно было стимулировать иноверцев к принятию православия [7, Т. VII; 4962].

Чисто фискальные цели имели два указа, о церковниках, «записанных за помещиками» и впоследствии посвященных в попы и в дьяконы, которые не должны были исключаться «из подушного оклада». Архиереям же запрещалось впредь посвящать их, чтобы «тем в сборе подушном помешательство не чинили». Закон 1725 г. предписывал, при наличии у них детей, которые «с ними обще приписаны к подушному окладу», оставлять помещикам. В самом конце 1726 г. последовал синодский указ, который стал реакцией на просьбу, поступившую из Азовской губернии, об освобождении от подушной подати попов и дьяконов. Документ повторяет содержание предшествующего указа и включает синодское распоряжение состоящих в подушном окладе «впредь как в попы и дьяконы не посвящать, так и в церковники не ставить, чтоб в сборе подушных денег препятія не было» [7, Т. VII; 4802, 4996].

Жестокое наказание предусматривалось «за дерзкие речи против святой Церкви». Так, в 1727 г. некий служивый человек Андрей Сургучев подал священнику Алексею Степанову «своеручное письменное мнение», где написал «многую противность и мудрование» правилам православной церкви. Архиерей дал ему время к размышлению, как по-

ложено по духовному регламенту, «но он явился непреклонен». Провинившийся был отослан «к розыску» в губернскую канцелярию, где был пытан «дважды и сжен огнем», но стоял «в упрямстве». Сибирский губернатор обратился в Синод, который же в свою очередь не мог принять решение, так как дело было уже начато в светском суде. В итоге Сенат предписал сослать Сургучева в Соловецкий монастырь, «в тюрьму», пока от «своей противности обратится и принесет покаяние», и чтоб «непрестанное ему было правильное увещание», чтобы суеверные бредни пресечь и привести к христианскому покаянию [7, Т. VII; 5051].

Всячески поощрялись контакты с Константинопольской церковью. Из средств Иностранной коллегии выделялись «кормовые» деньги «на содержание» приезжавшим «из Палестины духовным особам». Были ассигнованы 2000 рублей «на милостыню монастырям», а также шкурки соболей на 5000 рублей для «Константинопольской церкви» [7, Т. VII; 4696]. В 1726 г. правительство озаботилось повышением материального благосостояния церкви. «На штат Синодской с Конторами» были отданы денежные доходы «бывших Патриарших, Дворцового и Казенного Приказов». Как и год назад, но уже из средств Синода ассигновались суммы «приезжающим из Палестины духовным особам на их содержание и на посылки вкладов в заграничные монастыри и на вспомоществование Константинопольской церкви» [7, Т. VII; 4818]. Таким образом, русская церковь подчеркивала свою принадлежность традиционному православию, а отношения с самой авторитетной в православном мире Константинопольской церковью подкрепляла и материально. С доходов «Патриарших вотчин» содержался и грузинский царь Вахтанг VI [7, Т. VII; 4818]. Видимо, это была очередная дань памяти покойного императора. Вахтанг был участником Персидского похода Петра I. Лишившись престола, он искал убежище, в том числе и в России, где оказался уже после кончины преобразователя.

К уездным церквам, находившимся «на дальнем расстоянии от деревни», вместо дьякона назначали «другого священника» [7, Т. VII; 4804]. В конце 1726 г. встал вопрос о строительстве церквей. Законодатели вспомнили два указа Петра I 1722 г., которые предписывали строительство новых церквей только «по рассмотрению» Синода и говорили о том, что «небрежение Славе Божией в лишних церквах и множестве попов». Теперь же вопрос был поднят Архиепископом Великоновгородским и Великолуцким Феофаном. С подобными просьбами обращались и другие уважаемые подданные «по неперемennomу их от совершенныя по благочестию ревности желанию». Указ императрицы, по «приговору» Синода, разрешал «во всех Епархиях всяких чинов людям, ежели пожелают, где прежде были и вновь строить каменные и деревянные церкви». Желающие должны были подать прошение духовным властям, а по их разрешению в Синод предписывалось «точные копии при обыкновенных доношениях присылать без замедления неотложно» [7, Т. VII; 4988].

Все это призвано было повысить авторитет церкви как надежной опоры власти, качественно улучшить и расширить ее контакты с подданными. Проявляла императрица и своего рода веротерпимость, осво-

бодив, например, от постоя дворы, состоявшие «при кирхах католического, лютеранского и кальвинского вероисповедания» [7, Т. VII; 4979].

Благодарственным молебном «во всех губерниях и провинциях» была отмечена коронация Петра II [7, Т. VIII; 5246]. Заботясь о духовном воспитании молодого поколения, Верховный тайный совет от имени императора запретил «смоленской шляхте посылать детей в Польшу для учения» и допускать в Россию духовных особ римско-католического вероисповедания. Смоленскому губернатору поручался строгий надзор, чтобы шляхтичи «не принимали к себе польских ксендзов и не переменяли вероисповедание». Предусматривались и меры «к отвращению смоленской шляхты от перемены греко-российского исповедания». За неисполнение указов предполагалось строгое наказание [7, Т. VIII; 5238, 5251, 5322].

Охрана веры вообще была очень важна для власти. Препозиту лютеранских церквей в Петербурге Якову Монтелину Синод предписал строго следить, «дабы никто не склонял русских к перемене веры», и немедленно объявлять «в синодальной конторе со стороны пасторов, если кто из лютеран будет действовать вопреки» указу [7, Т. VIII; 5343]. Священно-, церковнослужители и монахи подлежали наказанию «за недоказательство сказанного ими слова и дела», однако теперь это находилось уже не в ведении Синода, а решалось самими епархиальными архиереями. Стряпчие, архиерейские и монастырские, должны были заниматься исключительно делами данных учреждений, а не отвлекаться «по посторонним делам» [7, Т. VIII; 5401, 5416].

При «девичьих монастырях», видимо во избежание возможных искушений, не допускалось пребывание «вдовым священнослужителям» [7, Т. VIII; 5439]. Со ссылкой на указ Петра I от 1 сентября 1723 г. молодых монахов, «ниже 30 лет», во всех монастырях России требовалось «переписать, для учения, кого каких наук возможно» и отсылать «для учения в славяно-греко-латинские школы». Указ поощрял образованность монахов и подчеркивал, что если молодые люди сами придут в школы, то «таковых принимая, обучать» [7, Т. VII; 5091].

Давались и определенные послабления, например, ясачные татары Казанского уезда приводились «к присяге в верности» по «обрядам их веры». Калмыкам, вступившим в брак до принятия крещения, разрешалось оставаться в супружестве «без венчания», а отставным солдатам было разрешено пострижение в монахи по их желанию [7, Т. VIII; 5321, 5400, 5435]. На адмиралтейской стороне в Петербурге было отведено место «под строение евангелической церкви, школы и пасторского дома» [7, Т. VIII; 5215].

Незадолго до кончины Петра II появился указ, вновь напоминавший о штрафах за нехождение «к святому покаянию и к причащению Святых Таин». Он распространялся на «всяких чинов людей, в православной вере пребывающих». С неисповедовавшихся «положенные штрафы» должны были взимать «неослабно без всякого упущения». Одновременно епархиальным архиереям поручалось «увещевать и настаивать» свою паству, а также собирать «именные с причетники ве-

домости», чтобы брать с нарушителей «по указам» штрафные деньги. Светским же командирам «без всякого удержания» поручалось присылать эти ведомости в Синод «неотложно» [7, Т. VIII; 5496]. Помимо защиты православия мера была направлена и на решение столь насущной проблемы того времени – пополнения государственной казны.

В правление Анны Иоанновны чистота православной веры оставалась важной заботой правительства. Специальным манифестом императрица напомнила православным о необходимости сохранения закона божьего и церковных преданий, «о возобновлении храмов и странноприимных домов, об учреждении духовных училищ, об исправлении установленных церковных треб, церемоний, крестных ходов и благодарственных молебствий». Этот обширный документ от 17 марта 1730 г. в полном смысле слова был направлен на защиту православия как государственной религии. Ответственность за сохранение веры возлагалась на Синод, который должен был следить за обращением подданных в «истинную» веру и посещением церкви. В духовной сфере императрица опиралась на традицию. Так, крестные ходы предписывалось проводить, «как прежде сего при Их Величестве Деде и Отце Нашем было...», т. е. в дни тезоименитства Анны Иоанновны, членов ее семьи и дни памяти представителей династии. Здесь же, согласно петровскому «Регламенту духовному», предписывалось восстановление духовных училищ, что свидетельствовало о заботе власти и об образовательном уровне духовенства [7, Т. VIII; 5518]. 20 апреля того же года появился еще один указ, направленный на охрану православия, который запретил пропуск в Россию проповедников католицизма из Польши [7, Т. VIII; 5538].

15 сентября 1730 г. было восстановлено отмененное Синодом в 1727 г. празднование дня святого Александра Невского [7, Т. VIII; 5621].

Велика была вера в силу молитвы. На законодательном уровне подчеркивалась необходимость «совершения молебствий в церквах во время бездождия, безветрия и моровой язвы». «В высокие дни» должны были проводиться молебны, «а по усопшим императорским предкам и родственникам» – панихиды [7, Т. IX; 6603, 6832].

В очередной раз повторялись петровские указы о штрафах с неявившихся на исповедь. Указ 1737 г. говорил не только о штрафах, но и «об обязанностях в сем отношении духовных и светских начальств». Закон заботился о благочестии подданных, пеняя им, что «не радя о своем спасении, угождая же лености своей», впадают «в грехи различные» и «крайние заблуждения», отчего «происходит склонность, и рождается самое раскольнической прелести преумножение». Основная же цель этого довольно объемного документа – фискальная, предусматривались наказания за нарушение предписаний правительства. Констатировалось значительное «упущение» в сборе штрафов. Все подданные «от семилетне-возрастных и до самых престарелых» обязаны были «повсягдно» и «без всякого, от такового душеспасительного долга, избегания» являться на исповедь. В епархиях должны были составляться «росписи», т. е. списки, «именные по чинам и по домам» с указанием лет и явки на исповедь. Об уличенных в «двоперстном во изображении

креста сложении» приказывалось доносить архиереям и «с ними поступать по силе указов же без послабления». Исповедоваться верующие должны были в своих приходах, чтоб «не могли укрываться и от двойного оклада избегать потаенные раскольники». Деньги, по аналогии с петровским указом, должны были отсылаться «на содержание военных госпиталей». Если в ведомостях неисповедовавшийся показывался как пришедший на исповедь, священник наказывался. Если «духовный правитель» утаил вину священника, надлежало «штрафовать вдвое, без всякого упущения». Для единообразия в отчетности в законе давалась специальная таблица. Экземпляры указа предписывалось высылать на места для «чтения в церквах» [7, Т. X; 7226].

В следующем году, когда, видимо, уже накопился значительный объем отчетной документации (указ отмечал, что ведомости поступали «весьма исправно»), для удобства хранения и пользования их требовалось переплетать «по городам с уезды» и оформлять по правилам, «как приказной порядок того требует» [7, Т. X; 7665]. Однако в этой сфере не все обстояло благополучно, о чем свидетельствует указ от 14 августа 1740 г. «О понуждении подданных Греко-российского исповедания, чтоб повсягодно исповедовались и приобщались Святых Тайн». Документ констатировал, что в Кабинет поступили сведения только за 1737 г., «и то неполные, а о штрафах, сколько с неисповедовавшихся в том году взыскано, и где те деньги, никакого от Синода известия не получено». Закон требовал неукоснительной подачи «повсягодно ведомостей, как о людях, так и собираемых за неисповедание штрафах», подтверждая прежние установки. Ведомости за 1738–1739 гг. предписывалось для императорского «собственного известия подать немедленно», а Синоду «учинить по сему» указу [7, Т. XI; 8204].

На законодательном уровне было определено детей священнослужителей не отправлять в светское ведомство. Подчеркивалось, что в гражданскую службу «детей попов, диаконов и причетников» не определять, а отсылать их в школы, в Синод же определять подьячих «из поповских, диаковских и причетнических детей» [7, Т. VIII; 5882, 6267, 6066, 6152]. Синод распорядился отправить в епархии «ученых священников и иеромонахов для обучения детей белого духовенства и церковнослужителей закону Божию и церковным постановлениям» [7, Т. X; 7749].

По-прежнему стимулировалось принятие православной веры. Уже в апреле 1731 г., с отсылкой на указ Петра I, на законодательном уровне был отсрочен платеж подушной подати для казанских новокрещенцев, который был повторен в 1733 г. [7, Т. VIII; 5737; Т. IX; 6518]. «В новопостроенную в Пекине церковь» были определены священно- и церковнослужители, а на «церковные потребности для миссии в Пекине» и на «жалование крестящимся китайцам» были выделены специальные средства [7, Т. VIII; 6057; Т. IX; 6666]. А в 1740 г. «в разные губернии для обучения новокрещенных христианскому закону» были отправлены архимандрит и другие священнослужители. Закон подробно инструктировал миссионеров. В 23 пунктах излагались основ-

ные правила и рекомендации для наиболее успешного осуществления поставленных задач. Подробно оговаривались и преимущества, представлявшие «новообращенным» [7, Т. XI; 8236].

Священники не должны были подписывать «разводные письма», а венчать могли лишь «своих прихожан» и не позволять это «других церковей священникам», в «венчальных памятях» подписывались свидетели «из прихожан» [7, Т. VIII; 5655, 5892]. Поддерживалась и дисциплина церковнослужителей, регламентировалась запись в монастыество. Специальный указ 1732 г. был посвящен устройству «монашествующих» с опорой на петровскую политику и Духовный регламент. Документ предусматривал строгий контроль архимандритов за перемещением монахов и наличие специальных книг их учета [7, Т. VIII; 6177]. Синодский указ 1733 г. разрешал «незапечатывание» церковей за вину их священнослужителей [7, Т. IX; 6500]. Лица «священного и монашеского чина» подлежали наказанию «за сказывание без причины слова и дела» [7, Т. IX; 6506]. «Священнослужителям и причетникам» не разрешалось принимать в домах своих «монахов даже на самое короткое время». Архиереям и монастырским властям запрещалось «курить вино» [7, Т. IX; 6561; Т. XI; 8244]. Подданным нельзя было принимать в дома «праздно шатающихся церковно- и священнослужителей», а юродивым – «бродить по церквам для испрошения милостыни» [7, Т. VIII; 6025, 6136].

Регламентировалось пострижение в монастыество, которое осуществлялось только «самим настоятелем при свидетелях», запрещался постриг всем, «кроме вдовых священнослужителей и отставных солдат», послушники подлежали наказанию. Студенты могли стать монахами только после «трехлетнего искуса» [7, Т. IX; 6683, 6585, 6504]. Так, видимо, проверялась осознанность решения и исключалась возможность уклонения от получения образования. Все монастыри, женские и мужские, Новгородской епархии подлежали освидетельствованию [7, Т. X; 7526].

Продолжалась и активная борьба с ересями, расколом и колдовством. В мае 1730 г. появился указ о посылке раскольничьих агитаторов на галеры с конфискацией всего имущества [7, Т. VIII; 5554]. Предусматривалось наказание раскольникам «за подговор к переходу из православной веры» и «за распространение раскола». Указ 1736 г. поощрял желание раскольников «крестить или венчать» детей в православии, но обязывал «присягою и сказками с жестоким подтверждением» их «раскольнической прелести» не учить. С них для верности бралось письменное обязательство «с подтверждением лишения имени и ссылкой на галеры» [7, Т. IX; 6928]. Раскольников, посланных в Сибирь из Екатеринбурга «от действительного статского советника Татищева», указ 1737 г. предписывал «всех возвратить и содержать их на казенных заводах под крепким караулом» и на особых дворах «с высоким тыном» [7, Т. X; 7172].

В 1734 г. в Москве вновь открывшаяся ересь привлекла внимание и церковной, и верховной властей. Были замечены четыре дома, где числились «непотребности» с участием 78 человек. Здесь некая наставница «старлица Настасья» «да две старицы, и старец» «прельщали лживыми

пророчества». Закон подробно фиксировал нарушения православных канонов, перечислял «Богомерзские противности», особенности «злосоставного» и «душевредного» суеверия. Результаты допросов еретиков обязали «присылать» в Синод «без упущения времени неотменно». Самих же их «ни малого времени не держать», но при отпуске обязать «письменно с крепким подтверждением и их рукоприложением», чтобы «впредь чинить не дерзали, под жестким за преступление публичным наказанием и вечною ссылкой» [7, Т. IX; 6613].

Сурово преследовалось и «волшебство». В законе 1735 г. упоминался ряд женщин, получивших разные наказания. Например, Настасья Яковлева под троекратными пытками показала, что «она не волшебница», но «призналась в том, что от болезней малых детей пользовала шопотами». Ее и Настасью Степанову «шинкарку», которая к ней «для волшебства ездила», наказали «на теле» и отправили в монастыри «вечно и безвыходно». А в случае бегства и поимки «казнены будут смертью безо всякия пощады». «Гапку компанчиху», питанную трижды и не признавшуюся, «Старицкую старостицу Татьяну Михаренкову», «на которую никакого довода» не имелось, и «Старицкую бабу Акилину Драниху», которая «помогала от переполоху шептанием», наказав «на теле», отпустили с условием впредь этого не делать «под страхом смертной казни» [7, Т. IX; 6748].

Специальные указы были посвящены пресечению суеверий. В 1733 г. Анне Иоанновне стало известно, что в Риге протопоп Николай Растовецкий поставил условие некоей попадье, что, если она после смерти мужа пойдет замуж, он умершего попа будет «погребать без риз», а если нет, то в ризах. Подобные действия были признаны суевериями, и предписывалось выяснить, «нет ли где таковых, и тому подобных суеверств и в прочих местах». Расследовать «и то все следствие прислать» в Синод. «О пресечении суеверий» ратовал и ноябрьский указ 1737 г. с отсылкой к Духовному регламенту. Все архиереи обязывались два раза в год (в июне и декабре) присылать в Синод рапорты «извещения о состоянии и поведении Епархии своей». Если же что-либо «утаили» и Синоду «не донесли», то архиереев и других ответственных лиц «позовет на суд к себе Синод» и подвергнет «штрафу, чему кто будет достоин, неотменно» [7, Т. IX; 6478; Т. X; 7450].

«Иноверных» нельзя было хоронить при церквях, а православных священников – принуждать «приобщать святых тайн лютеран». Высочайшим указом назначались кладбища в Санкт-Петербурге [7, Т. VIII; 5560, 6214].

В то же время надо отметить, что царствование Анны Иоанновны можно назвать периодом определенной веротерпимости, что было характерно для русской культуры со времен Петра I. В 1733 г. по просьбе шведов и «финляндцев» им было отведено на Адмиралтейском острове место для постройки церкви и даже выдано из Кабинета ее величества 500 рублей. Был выделен участок под постройку римско-католической церкви, и разрешено строительство в Москве армянской церкви, а на украинской линии Петербурга – двух лютеранских капелл [7, Т. IX;

6393; Т. X; 7654; Т. XI; 8194, 8213]. «Персиян», не принявших православия, не крестили «насильно», но отправляли на родину [7, Т. IX; 6579]. Разрешено было и свободное богослужение неправославным христианам, но категорически запрещалось «духовным особам иностранных христианских вер обращать в оные русских подданных, какого бы закона они ни были, под опасением суда и наказания по доносам» [7, Т. IX; 6693].

«Оставшиеся после смерти духовных лиц пожитки» (деньги, серебряные, медную и оловянную посуду) предписывалось «никому не раздавать». А «платье и прочие гниющие вещи» – оценить и продать, деньги же «присовокуплять» и хранить в одном месте. Указ 1737 г. распространил этот порядок и на Малороссию. С 1740 г. церковные принадлежности (иконы, кресты, книги и пр.) умерших «духовных персон» необходимо было передавать «в бедные монастыри и церкви», а особо почитаемые реликвии «с мощами» – в Невский монастырь [7, Т. X; 7414; Т. XI; 8225].

Даже кратковременное правление Ивана Антоновича Брауншвейгского отмечено рядом указов, посвященных религии и церкви. Еще при регентстве Э.И. Бирона появился запрет на венчание «браков» в течение четверти года со дня смерти Анны Иоанновны, чем подчеркивалось уважение к покойной императрице [7, Т. XI; 8277]. Указ 13 ноября 1740 г. определял необходимость профессионализма и нравственности священников, которые должны быть «достойными и искусными», проявлял заботу об «умножении духовных училищ и школ». Дано здесь и распоряжение о должном «содержании святых храмов», попечении о бедных и положении «нищепитательных домов по учиненным определениям» [7, Т. XI; 8291].

Повышая авторитет церкви, власть традиционно заботилась и о повышении квалификации и образованности церковников. Детей церковников, освобожденных от военной службы, за предоставление вместо себя рекрутов и необходимых по указу «на платье, ружье и амуницию» денег (или если они «вместо рекрут указанное число денег заплатили»), записанных в другие сословия, разрешено было определять «по-прежнему к церквам». Однако подчеркивалось, что епархиальные архиереи должны были засвидетельствовать, что кандидаты «явятся достойны быть действительными церковниками, и к производству в священство надежны» [7, Т. XI; 8268].

Был расширен круг лиц, которым разрешалось пострижение «для снабдения монастырей монахами и школ учителями». Сюда были включены разночинцы, имевшие «вольные паспорта» и «никакими делами не обязаны», а также люди и крестьяне «со свободными отпускными за помещичью рукой». Но «столько, коликое число потребно, без всякого излишества» с заботой об «исправлении и порядочном содержании монашеского чина». В регентство матери Иоанна принцессы Анны Брауншвейг-Люнебургской последовали уточнения, а именно: проведение обряда «по шестимесячному искусе» и при «удостоверении о хорошем поведении», регламентировалось пострижение

«вдов и девок в монахини» [7, Т. XI; 8303, 8382, 8309]. Монахов, которые «за сказание ложно слова и дела» содержались «под караулом, а чинов еще не лишены» были, передавали от «светских командиров» «до указа в духовную команду», т. е. под юрисдикцию духовных властей [7, Т. XI; 8360].

22 июня 1741 г. был принят указ, разрешавший архимандритам, присутствовавшим в Синоде, носить кресты. Он же отменил устное объявление Ф. Прокоповичем распоряжения Петра I (1722 г.) с отсылкой на отсутствие соответствующего указа покойного императора [7, Т. XI; 8403]. Московскому Греческому Николаевскому монастырю жаловалась грамота и ежегодная сумма на содержание. Также выделялись средства на «церковные потребности» и «жалованье» «священно- и церковнослужителям» Новгорода. Определялось содержание полковым священникам Воронежской губернии, его остатки направлялись в Коллегию экономии [7, Т. XI; 8384, 8409, 8400]. Солдатские постой всегда были делом обременительным. В качестве поощрения дома священников, например в Харькове, были освобождены от данной повинности [7, Т. XI; 8412].

Церковь стремилась сохранить свое имущество. Так, например, архиепископ Киевский, ссылаясь на грамоты царей Ивана и Петра Алексеевичей и царевны Софьи, пытался опротестовать указ Анны Иоанновны, по которому предписывалось «собирать в одно место, а никому не раздавать» в том числе и имущество покойных церковнослужителей Малороссии [7, Т. X; 7414]. Резолюция «Кабинет-Министров на сообщение Синода» от 18 февраля 1741 г., оставив прежний указ в силе, констатировала, что грамотами были «только подтверждены древние их права». Кабинет решил вопрос в пользу церкви, поддержка которой была очень важна для власти, постановив отдавать «имения», оставшиеся «по смерти Архиереев и монастырских начальников и прочих Киевской епархии духовных персон на поминовения по монастырям и церквам» [7, Т. XI; 8334]. В том же году было законодательно определено, что «духовных лиц платья» после их смерти «подлежали отдаче» «в убогие монастыри и церкви, для употребления на шитье риз, подризников и стихарей» [7, Т. XI; 8405], так как ткани, особенно дорогие, очень ценились.

В 1741 г. Синод обратился в Сенат с просьбой о замене «приглашенных» священников штатным при Юстиц-коллегии и губернской канцелярии Петербурга, чтобы «без исповеди и без приобщения Святых Тайн колодники помирать не могли». Просьба сопровождалась ссылкой на то, что петербургские священники перегружены, а в Москве в Сыском приказе «особливый священник содержан». Но Сенат отказал, мотивируя тем, что в Петербурге «колодников весьма малоллюдно» и «особливому священнику для потреб быть не у чего» [7, Т. XI; 8351]. Так, несмотря на уважение и важность поддержки церкви, власть все же стремилась умерить ее чрезмерные аппетиты.

Раскольникам, жившим на землях, пожалованных Киево-Печерской лавре, запрещалось принимать к себе «пришлых и беглых людей Велико-российских и Малороссийских». Видимо, это не соблюдалось, так как в

том же году указ был подтвержден, в него включили «також и поляков». Однако уже живших в слободах малороссиян разрешили не высылать [7, Т. XI; 8365, 8466]. «Великороссийских» же по-прежнему принимать не разрешалось, возможно, чтобы избежать их заражения ядом раскола.

Поощрение принятия православной веры распространялось даже на сферу уголовного права. Так, указ 1741 г. гласил, если «иноверцы в смертных убийствах или в других тяжких винах явятся, а потом веру Греческаго исповедания воспримут, то их для того восприятия веры, нигде не описався, смертию не казнить, и в ссылку не посылать, а требовать о том указа от Кабинета» [7, Т. XI; 8349].

Устойчивой в русской культуре оставалась и традиция веротерпимости. Два дома, принадлежавшие Евангелическому Лютеранскому приходу в Петербурге, получили налоговые льготы, «покамест в них церковная служба и школа содержаны будут, на то время от платежа поземельных денег и от других полицейских должностей уволить» [7, Т. XI; 8451]. Часто встречающееся в законах упоминание о школах свидетельствовало о том, что на уровне власти поощрялась просветительская функция церкви, образованность священников и их учительная роль.

Религия и церковь традиционно были предметами пристального внимания законодателей, характерно это было и для второй четверти XVIII в. Можно не без основания утверждать, что в культурной политике эти вопросы занимали одно из ведущих мест. На протяжении всего исследуемого периода программа, направленная на защиту православного вероисповедания, реализовывалась вполне последовательно, вне зависимости от личности правителя внешне- и внутривнутриполитической конъюнктуры.

Несмотря на отстранение церкви от руководства культурой, она оставалась важнейшим государственным институтом, а религия – духовной и идеологической основой правительственной политики. Защита православной веры была одной из главных задач власти. Правительство поощряло принятие православия, предоставляло льготы новокрещенцам, следило за соблюдением религиозных традиций, строило храмы, поддерживало, в том числе и финансово, взаимоотношения с самой авторитетной в православном мире Константинопольской церковью. Нарушение же канонов каралось морально, физически и материально. Религия занимала значительное место в духовной и культурной жизни российского общества того времени, о чем красноречиво свидетельствует и законодательство второй четверти XVIII в.

Литература

---

1. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. 736 с.
2. *Каменский А.Б.* «Под сению Екатерины...»: Вторая половина XVIII века. СПб.: Лениздат, 1992. 448 с.
3. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001. 575 с.

4. Волкова И.В., Курукин И.В. Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVII–XX вв. // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 40–61.
5. Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб.: Лениздат, 1994. 496 с.
6. Анисимов Е.В. Россия в эпоху «дворцовых переворотов» // Власть и реформы: от самодержавной к советской России / Под ред. Б.В. Ананьича. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 153–163.
7. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. Санктпетербург: печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

References

---

1. Platonov SF. Lectures on Russian History. Moscow: Vysshaya shkola Publ.; 1993. 736 p. (In Russ.)
2. Kamenskii AB. “Under the shade of Catherine the Great...”: second half of the 18th century. Sankt-Peterburg: Lenizdat Publ.; 1992. 448 p. (In Russ.)
3. Kamenskii AB. From Peter I to Paul I. Reforms in Russia of the 18th century (the experience of holistic analysis). Moscow: RGGU Publ.; 2001. 575 p. (In Russ.)
4. Volkova IV., Kurukin IV. The phenomenon of palace revolutions in the political history of Russia 17th-20th centuries. V: *Issues of history*. 1995;5-6:40-61. (In Russ.)
5. Anisimov EV. Russia without Peter: 1725-1740. Sankt-Peterburg: Lenizdat Publ.; 1994. 496 p. (In Russ.)
6. Anisimov EV. Russia during the era of Russian palace revolutions. V: *Power and Reform: From the Autocratic to Soviet Russia*. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin Publ.; 1996. p. 153-63. (In Russ.)
7. Complete collection of laws of the Russian Empire compiled at the behest of Emperor Nicholas Pavlovich. The first corpus. From 1649 to 12 December 1825. Saint Petersburg: printed in the Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancery, 1830. (In Russ.)

Информация об авторе

Ирина М. Чирскова, старший преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; im-chir@yandex.ru

Information about the author

M. Chirskova, senior lecturer, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia; im-chir@yandex.ru